

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ОЧЕРКИ

ПРОЧИТАНЫ ВПЕРВЫЕ

(О СОЗДАНИИ АРХИВА К. МАРКСА В СССР. О РАСШИФРОВКЕ, ПЕРЕВОДЕ И ПУБЛИКАЦИИ ЕГО РУКОПИСЕЙ) *

И. И. Аграновский

Фонд номер один

Рабочий день 2 февраля 1921 г. был у Владимира Ильича Ленина, как всегда, до предела напряженным.

После трехлетней гражданской войны начинался первый мирный год. Кончилась эпоха «военного коммунизма». Слово «нэп» еще не было произнесено, но В. И. Ленин уже всесторонне продумывал переход к новой экономической политике. Контур ее определялся в марте, на X съезде партии. Хотя и тогда В. И. Ленин ответил тем, кто потребует точного прогноза последствий и границ новой политики: «Вы скажете, что это неопределенно. Да, и надо, чтобы это было до известной степени неопределенно. Почему это надо? Потому что, чтобы было вполне определено, надо до конца знать, что мы сделаем на весь год. Кто это знает? Никто не знает и знать не может». В. И. Ленин подчеркивает: «Теоретически это мыслимо». А «как это сделать — это дело практики»¹.

О новой экономической политике Ленин скажет в марте. А пока февраль, второе число. Один из дней, когда обдумывались и теоретические основы и возможные практические последствия перехода к нэпу. В этот день² Владимир Ильич председательствует на заседании Экономической комиссии Совнаркома. Участвует в заседании Политбюро ЦК РКП(б). Беседует с приехавшими из Сибири о положении в тамошней деревне. Встречается с председателем комиссии ГОЭЛРО — своим старым другом и «однодельцем» Г. М. Кржижановским, с которым вместе отбывал ссылку на берегах Енисея по делу об организации петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Кржижановский приходит не один — с инженером Ружичкой. В тот же день В. И. Ленин знакомится с замечаниями по плану ГОЭЛРО инженера-электрика П. А. Козьмина. С окончанием войны потребовались не только экономические реформы, но и изменение системы образования. В этот же день Владимир Ильич дважды председательствует на заседании комиссии по реорганизации Наркомпроса. Получена телеграмма от секретаря Петроградского губкома партии: население голодает и страдает от холода. Ленин отвечает телефонограммой о принятых мерах. Решено закупить за границей 18,5 млн. пудов угля (вместо войны — торговля: новая политика!). Дело с продовольствием тоже улучшится: ожидаются несколько эшелонов с зерном³. В Малый Совнарком Ленин пишет записку, в которой поручает проконтролировать «злостнейший вопрос» — о квартирах в Москве (имеется в виду заселение всего лишь десяти домов — так бедна еще страна)⁴. Но В. И. Ленин вовсе не в хозяйственной текучке. Речь идет об изменении политики. Чтобы сказать через месяц «теоретически это мыслимо», надо все глубоко продумать. В. И. Ленин думает, советуясь с друзьями, со специалистами. И еще — с К. Марксом и Ф. Энгельсом.

* Гигантское литературное и эпистолярное наследие К. Маркса и Ф. Энгельса в своей значительной части, смогло быть опубликовано благодаря тому, что его собранию, хранению и изданию уделяла исключительное внимание Коммунистическая партия Советского Союза.

О судьбе многих материалов К. Маркса и Ф. Энгельса, об их манускриптах, впервые прочитанных или впервые научно подготовленных к публикации советскими учеными, рассказывает в своем очерке И. И. Аграновский. Полностью работа «Прочитаны впервые» выходит в Политиздате.

¹ В. И. Ленин. ПСС. Т. 43, стр. 64, 65.

² См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 42, стр. 579—580.

³ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 52, стр. 63, 364.

⁴ См. там же, стр. 65.

В этот февральский день в книге исходящих документов, которую вели секретари В. И. Ленина, появилась запись о посылке двух книг Ф. Энгельса и письма В. И. Ленина в Институт Маркса — Энгельса⁵. 8 декабря 1920 г. Пленум ЦК РКП(б) принял решение о создании «первого в мире музея по марксизму»⁶, причем охарактеризовал это как задачу «исключительного международного значения». Вслед за этим — решение ЦК о создании института. Институт пока крохотный — помещается в шести комнатах на углу Воздвиженки и Шереметьевского переулка. Это лишь сектор Социалистической академии. Вся его библиотека — 200—300 томов. Все документальное имущество хранится в двух шкафах — деревянном и стальном. Из рукописей только 8 писем К. Маркса к А. Руге, полученных от дочери Маркса Лауры. Но письмо В. И. Ленина, отправленное 2 февраля, предвещает и здесь решительные перемены. Владимир Ильич писал: «г. Рязанов! Большая просьба: 1) Не знаете ли, откуда взяты *подчеркнутые места* из писем Энгельса? 2) Было ли и где это напечатано полностью? 3) Если было, нельзя ли найти и получить? 4) Нельзя ли нам *купить* у Шейдеманов и К° (ведь это продажная сволочь) письма Маркса и Энгельса? или купить снимки? 5) Есть ли надежда собрать нам в Москве *все* опубликованное Марксом и Энгельсом? 6) Есть ли каталог *уже собранного здесь?* 7) Письма Маркса и Энгельса собираем мы (или копии), или это не осуществимо?»⁷. Сбоку письма приписка: «Верните книжечки», — вслед за которой семь вертикальных черточек, — верно, напоминающие об обязательной необходимости возвратить книги Ф. Энгельса.

По сути, с ленинского письма и началась история «фонда № 1». Под этим номером в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС ныне значится около семи тысяч рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса. А самое письмо В. И. Ленина находится в этом же институте — в «фонде № 2», в который входит все, что относится к рукописному наследию Владимира Ильича. Такого полного собрания ленинских рукописей, как «фонд № 2» Института марксизма-ленинизма, само собой разумеется, нет нигде в мире. Страна Ленина собрала и бережно хранит почти все, что вышло из-под пера основателя Советского государства. Но нет в мире и собрания рукописей, подобно «фонду № 1», хотя путь в Москву драгоценного рукописного наследия К. Маркса и Ф. Энгельса был, конечно, значительно более сложным.

Первое свое завещание Ф. Энгельс написал, когда еще был жив К. Маркс. Маркс и должен был, согласно воле своего друга, стать наследником всего его имущества, всех его рукописей. Но Ф. Энгельс, который был моложе К. Маркса всего на два с половиной года, пережил его на двенадцать лет. Не стало дорогого соратника и наставника, и Ф. Энгельс за два года до своей смерти пишет новое завещание. Завещание это вместе с дополнением, написанным всего лишь за десять дней до смерти, а также вместе с найденным в ящике его стола письмом к его душеприказчикам впервые опубликовано на русском языке в 1966 г. — в 39-м томе второго издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. О себе, о своих похоронах в этих документах одна фраза: «Мое определенное желание состоит в том, чтобы тело мое было кремировано, а мой прах был погружен в море при первой возможности»⁸. Как известно, это желание было точно исполнено, и урну с прахом Энгельса опустили в море подле скалы, что высится над маяком у местечка Истборн на южном побережье Англии, где лето 1895 г., последнее лето своей жизни, провел Ф. Энгельс. Подробно в завещательных документах о наследстве — материальном и литературном. Из основного имущества $\frac{3}{8}$ завещает Энгельс дочери Маркса Лауре, еще $\frac{3}{8}$ — другой его дочери, Элеоноре. $\frac{1}{8}$ гонорара за «Капитал» Энгельс распорядился выплачивать внукам Маркса — детям его умершей дочери Женни. 1000 ф. ст. Энгельс оставляет членам парламента от германской социал-демократической партии Августу Бебелю и Паулю Зингеру «для расходов по выборам в германский рейхстаг». Брату Герману Ф. Энгельс завещает «написанный маслом портрет моего отца». И так далее — подробно, предусматривая возможные юридические казусы. И столь же подробно о литературном наследстве: «Я завещаю упомянутым выше Августу Бебелю и Паулю Зингеру все книги, которые будут находиться ко дню моей смерти в моем владении или распоряжении, и все мои авторские права. Я завещаю вышеупомянутому Августу Бебелю и Эдуарду Бернштейну все рукописи, которые будут находиться ко дню моей смерти в моем владении или распоряжении». Искключение Ф. Энгельс делает для рукописей и писем К. Маркса (кроме адресованных ему, Энгельсу) — их передает он Элеоноре Маркс-Эвелинг⁹.

Все рукописи, все книги, все авторские права — представителям германской социал-демократии. Большинство из того, что было передано Элеоноре Маркс-Эвелинг, позднее тоже перейдет в тот же адрес. Так в архив германской социал-демократии попали величайшие духовные сокровища — рукописи основателей научного коммунизма и их библиотека. Предсмертное распоряжение Ф. Энгельса едва не сыграло роковую роль. Попав в страну, где через 38 лет после смерти Энгельса к власти пришли гитлеровцы и где вслед за поджогом рейхстага фашисты зажгли костры, в первую очередь пожирившие книги Маркса, Энгельса, Ленина, — попав в эту страну, рукопис-

⁵ См. там же, стр. 364.

⁶ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 42, стр. 563.

⁷ В. И. Ленин. ПСС. Т. 52, стр. 64.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 39, стр. 431.

⁹ Там же, стр. 429—432.

ное наследство основоположников марксизма подверглось огромному риску. Оно едва не погибло. К счастью, этого не случилось. Но оно попало в руки людей, связанных с так называемым «фондом Форда», вовсе не заинтересованных в научной публикации идейного наследия К. Маркса и Ф. Энгельса. Субсидируемый «фондом Форда» Институт социальной истории находится в Амстердаме. Туда после долгих мытарств, уже разрозненный, частично разворованный, и попал архив германской социал-демократии. О том, как это произошло и что продолжает происходить с архивом германской социал-демократии, рассказала западногерманская газета «Süddeutsche Zeitung».

12 ноября 1965 г. газета поместила четырехколонник с интригующей шапкой: «Интернациональная полиция не может напасть на след Карла Маркса». Подзаголовок расшифровывал, что речь идет о рукописях Маркса, исчезнувших в 1933 году. Вот выдержка из этой газеты: «К радости коллекционеров рукописей и к ужасу библиографов уже в течение многих лет на международном рынке появляется большое количество рукописей и бумаг, которые оставил нам прародитель социализма. Своей наивысшей точки «волна Маркса» достигнет, вероятно, в субботу, когда пользующийся широкой известностью антикварный магазин в Марбурге проведет аукцион отдельных рукописей Маркса объемом в 54, 48 и 41 страницу. Предполагаемая цена за одну рукопись составит 30 тыс. марок, и тем самым основатель классовой борьбы без труда побьет рукописи Гете, Томаса Манна или кайзера Вильгельма II, которые также будут продаваться на данном аукционе. Антикварный магазин в своем каталоге, в примечании, указывает на то, что полностью не опубликованные рукописи Маркса представляют собой большую редкость. Однако при этом замалчивается тот факт, что эти рукописи являются только частью похищенных когда-то рукописей, оцениваемых в миллионы. Похищение было произведено примерно 30 лет тому назад с большим знанием дела и осторожностью. Это преступление до сих пор не раскрыто. Пожелтевшие манускрипты относятся к тому разделу, в котором собраны материалы по двум его важнейшим произведениям: «Капитал» и «К критике политической экономии». Еще в 1913 г. Ленин разыскивал эти материалы, а они в то время преспокойно лежали в полной сохранности на полках социал-демократического архива в Берлине. Наследство Маркса и Энгельса было таким обширным, что ученым стоило больших трудов изучить все рукописи. После первой мировой войны, когда посланцы из Москвы разыскивали рукописи своих идеологических вождей, Социал-демократическая партия Германии судорожно держалась за это сокровище. А в 1933 г. весь архив, занявший более двух железнодорожных вагонов, оказался в таком водовороте событий, из которого он уже вышел потрепанным. Материалы архива окольными путями попали в Париж, Амстердам и Копенгаген. В этой критической ситуации правление СДПГ в эмиграции решило в 1938 г. продать весь огромный архив за смехотворную цену в 72 тыс. гульденов с выплатой их в рассрочку на 13 месяцев Институту социальной истории в Амстердаме. Тем самым наследство Маркса и Энгельса, которое оценивается сегодня в 80 млн. марок, попало в руки голландцев. Только «фонд Форда» после войны затратил 25 млн. долл. для научной обработки всех материалов архива, в котором насчитывается 360 досье. В настоящее время этот архив уже ведет счет не по количеству страниц, а по метражу. При подписании договора о продаже представитель по финансовой части от СДПГ Э. Круменерль был вынужден признать голландцам, что архив потерял кое-какие материалы. Уже в 1935 г. библиографы Социал-демократической партии Дании с большим удивлением сообщили правлению в Праге, что важные материалы исчезли из архива. Плачевное состояние материалов побудило советских представителей сделать предложение СДПГ, обещая уплатить 1 млн. французских франков с тем, чтобы все документы попали на хранение в Москву. Переговоры потерпели фиаско, потому что социал-демократы не проявили желания участвовать в этом деле».

Дальше идет довольно предположительное изложение истории того, как вскоре после пожара рейхстага в 1933 г. немецкие демократы прятали в различных тайниках документы К. Маркса и Ф. Энгельса и как, видимо, одним из участников этой операции были похищены «восемь досье с манускриптами и рабочими тетрадями», листы из которых и появляются таинственно то на одном, то на другом антикварном аукционе. Конец статьи посвящен «усилиям» интернациональной полиции узнать, кто же похитил рукописи. А главный «пафос» выступления газеты — в «анализе» коммерческой стороны авантюры на аукционах. Да, поистине роковые последствия мог иметь завещательный дар Ф. Энгельса немецкой социал-демократии, если бы...

Если бы не существовал «фонд № 1» в московском Институте марксизма-ленинизма. В этом фонде есть фотокопии и тех документов, что находились в восьми похищенных досье, о которых сообщила «Süddeutsche Zeitung». На Советской площади в Москве, напротив здания Московского городского Совета, в четырехэтажном доме, где хранится архив Института марксизма-ленинизма, в комнатах-«сейфах» при одной и той же температуре 16—17°, при влажности воздуха 60—70% бережно сохраняются подлинные рукописи К. Маркса и Ф. Энгельса или фотокопии тех манускриптов, которые «навалом» лежат в амстердамском институте или скрываются в тайниках расхитителей бывшего берлинского архива. Тысячи рукописей — подлинники или фотокопии. Но как же они попали в Москву? Как были спасены от расхищения и потерь?

В 1923 г. Институт Маркса — Энгельса переехал в новое помещение — бывший особняк князей Долгоруких в Малом Знаменском переулке (ныне улица Маркса — Энгельса). Здесь уже образовалась довольно значительная библиотека по истории

социализма и рабочего движения, книги для которой закупались у антикваров Англии и Германии, свозились из многочисленных национализированных русских библиотек (в частности из имения Вяземы, прежде принадлежавшего князьям Голицыным). Рабочие Краснопресненского и Замоскворецкого районов приносили в институт книги из библиотек, брошенных бежавшими за границу именитыми «книгочеями». Поступила в институт и библиотека брата композитора Сергея Танеева — Владимира Танеева, члена I Интернационала, собиравшего книги по истории социализма и гравюры по истории Великой французской революции. В 1923 г. представитель института выехал в Германию для осмотра находившегося в крайнем беспорядке архива германской социал-демократии. Архив этот был необычайно велик, и можно себе представить, как разгорелись глаза у человека, привыкшего собирать по страничкам заветные рукописи, когда он увидел сотни пачек листов, исписанных бисерным почерком К. Маркса и размашисто-ровным — Ф. Энгельса. Начал разбирать кипы для фотокопирования — и вдруг увидел никому до тех пор не известные рукописи К. Маркса, сотни писем его и Ф. Энгельса! Конечно, надо было спешить снять фотокопии всех сокровищ. Не терпелось скорее привезти их в Москву и уж там заняться их обработкой. Современных фотокопировальных машин — вложил документ и через секунду вынимай точную его копию — тогда не было. Репродукция, проявление, печатание были длительным и сложным делом. Фотографировать предстояло десятки тысяч листов. На это требовались большие средства. А у молодой Советской республики каждый рубль был на счету. Правда, на собрание наследства К. Маркса и Ф. Энгельса, несмотря на всю нашу тогдашнюю бедность, Совет Народных Комиссаров отпустил достаточно денег. Но экономить все равно надо было. Новинкой фотодела был тогда фотостат — аппарат, снимавший копию на специальную бумагу. Только не на белый фон, как обычно, а на черный. Но зато дешево, но зато быстро. И, как выяснилось потом, удобно для архивистов. Приобрели фотостаты. Пригласили троих немцев — знатоков дела. Во Франкфурте-на-Майне создали специальную лабораторию для копирования.

...Лаборатория работает непрерывно. Тогда еще никто не знал: она работает, чтобы сохранить для истории то, что иначе, возможно, исчезло бы навсегда, то, что в 30-х годах, после прихода гитлеровцев к власти, было украдено или потеряно при вывозе архива из Германии. Теперь мы знаем: все это лежит в Москве, в архиве Института марксизма-ленинизма. Все это скопировано с документов во Франкфурте-на-Майне, в Лондоне, в архиве тайной прусской полиции, в архивах Трира, Вены, Энгельс-кирхена. Когда те, кто сжигал книги К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, нападут на ненавистную им страну социализма, архив основоположников научного коммунизма переедет из Москвы в Уфу. Потом, в 1944 г. он вновь вернется в столицу и займет свое место в здании напротив Московского Совета. В речи на юбилейной сессии ВЦИК, созванной в честь десятилетия Октября, Народный комиссар просвещения А. В. Луначарский сказал об этом здании и об этом институте: «Если вы будете в Москве и пойдете посмотреть этот Институт, то даже с внешней стороны он вас поразит: удалось выстроить заново громадное здание, приспособленное для этого Института, здание интересное и с архитектурной точки зрения. Здесь господствуют полный порядок, чистота, необычайная точность, которая нужна для того, чтобы вместить со скрупулезным порядком громадные материалы, суметь во всякое время их сразу мобилизовать. Этот Институт представляет собою в полном смысле слова сокровищницу. Архивы Института для нас, марксистов, а стало быть, и для всякого советского гражданина — вещь такая, к которой без биения сердца подходить невозможно»¹⁰.

То, что тогда казалось громадой, сейчас, конечно, не может вместить нынешнего Института марксизма-ленинизма. На Советской площади остался только его архив. А сам он занимает целый городок в районе, примыкающем к Всесоюзной выставке достижений народного хозяйства.

«Фонд № 1» Центрального партийного архива на Советской площади непрерывно пополняется. Конечно, таких массовых приобретений, какие удалось сделать в 20-х годах, уже не бывает. Но неизвестные прежде документы продолжают поступать. В 1964 г., например, институт получил 146 не публиковавшихся прежде документов К. Маркса и Ф. Энгельса. Два из них — дар Исторической комиссии ЦК Французской коммунистической партии — письмо Ф. Энгельса Лауре Лафарг от 21 февраля 1884 г. и его же письмо Полю Лафаргу от 18 декабря 1894 года. ЦК ФКП и раньше передавал институту в Москве ценнейшие документы, в частности те, что хранились в семье детей и внуков дочери К. Маркса — Женни Лонге. В 1948 г. в Москву приезжал внук Маркса французский коммунист Эдгар Лонге. Он привез много ценнейших документов. В 1960 г. многочисленные не публиковавшиеся до тех пор письма К. Маркса и Ф. Энгельса передал правнук К. Маркса — Шарль Марсель Лонге. И уже совсем недавно, в 1967 г., приезжал в Москву художник Фридрих Лонге, другой правнук К. Маркса. Он передал Музею Маркса и Энгельса свои работы — зарисовки мест, где жил К. Маркс, а также рисунки своей бабки Женни Лонге, в частности ее «Мадонну», о которой К. Маркс писал Ф. Энгельсу: «Женничка приготовила тебе в подарок скопированную ею мадонну Рафаэля»¹¹. Об архиве Института марксизма-ленинизма в Москве теперь знают коммунисты всех стран. Они рассматривают его как все-

¹⁰ «Летописи марксизма», № 4, стр. 145.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 29, стр. 456.

общее достояние. Из многих стран мира идут сюда документы. И такие, что относятся к деятельности самих К. Маркса и Ф. Энгельса, и другие, в которых запечатлены факты мирового рабочего революционного движения, так могуче развернувшегося со времен I Интернационала.

В «фонде № 1» институтского архива есть несколько описей. В опись № 1 заносится только рукописи (или фотокопии — если нет подлинника) К. Маркса и Ф. Энгельса. Фотонегативы отсутствующих в архиве подлинников рукописей тоже хранятся в комнатах особого режима температуры и влажности. А уж подлинники рукописей — каждый листочек в особой папке, двойной, тройной. Да, кроме того, каждый лист рукописи переложён листком папиросной бумаги. В других описях — все связанное с К. Марксом и Ф. Энгельсом, но вышедшее не из-под их пера: письма к ним, документы об их деятельности, воспоминания товарищей по борьбе, материалы из архивов тайной полиции. В отдельных описях зарегистрированы приобретенные институтом книги, газеты, журналы, которыми пользовались основоположники марксизма, в которых они печатались, редкие прижизненные издания их произведений. Рядом с «фондом № 1» «фонд № 2» — фонд В. И. Ленина, гениального продолжателя дела К. Маркса и Ф. Энгельса. Пять фондов посвящены членам семей К. Маркса и Ф. Энгельса, десятки фондов — их соратникам по I Интернационалу, еще десятки хранят документы, в которых отражено всемирное рабочее революционное движение. В строгом здании на Советской площади — вся история мирового революционного движения. Здесь, как теперь пишут, «закодирована информация» о непрерывной борьбе за социальный прогресс. К этой сокровищнице информации люди будут обращаться еще много веков, ибо и через многие столетия человечество не утратит интереса к той эпохе, когда кончалась предыстория цивилизации и начиналась подлинная ее история, когда шла решающая борьба за освобождение человечества. Но «фонд № 1», как и ленинский «фонд № 2», — это не столько сокровищница информации, сколько идейный арсенал, помогающий вооружению миллионов людей на всем земном шаре самым могучим оружием — теорией марксизма-ленинизма. В сотнях миллионов экземпляров изданы книги К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Нет в мире других книг, которые выходили бы такими тиражами. И в том, что многие из них увидели свет, большая заслуга советских ученых, которым удалось подготовить к печати рукописи, не изданные при жизни их авторов. В ряде случаев этот процесс подготовки рукописей был крупным научным достижением. О некоторых из этих достижений и будет рассказано. Будут названы имена исследователей, сделаны наброски к их индивидуальным портретам. Но современник знает: сегодня успехи ученого определяются сообща выработанными методами работы, обусловлены усилиями целых коллективов.

С тех пор, как в 1928 г. вышел первый том предпринятого по решению XIII съезда партии первого русского издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, минуло 40 лет. Советское марксведение накопило за эти десятилетия огромный опыт по исследованию, переводу, комментированию обширнейшего рукописного наследия основоположников научного коммунизма. В появляющихся начиная с 1955 г. томах второго русского издания Сочинений впервые опубликовано свыше тысячи произведений и писем К. Маркса и Ф. Энгельса. Сколько за этой цифрой настойчивых поисков, сколько кропотливого исследовательского труда, проределанного советскими учеными! А вот еще красноречивые цифры: научно-справочный аппарат (предисловия, указатели, примечания) в опубликованных томах занимает до 500 печатных листов. В своей совокупности предисловия к томам — в сущности, очерки по истории марксизма, краткая биография Карла Маркса и Фридриха Энгельса. А свыше 17 тыс. примечаний, а сведения о 10 тыс. лиц, упоминаемых в Сочинениях, — это целые энциклопедии, подлинный клад знаний! Познакомившись с конкретной историей некоторых открытий и исследований, читатель сможет представить себе почти неохватное поле деятельности советского марксведения, поймет масштаб работы всего творческого коллектива Института марксизма-ленинизма, только об отдельных достижениях которого взялся здесь рассказать автор.

Весь «Капитал»

В зале гуманитарных наук Государственной библиотеки имени В. И. Ленина нередко приходится наблюдать одну и ту же сценку. Она происходит возле так называемых «полок открытого доступа», к которым без библиотекаря может подойти и выбрать себе книгу любой читатель. На этих полках стоят словари, энциклопедии, произведения основоположников марксизма-ленинизма — книги, которые читатели хотят иметь под рукой. Возле полки, где стоят первое издание Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, топчется читатель. Потом он обращается к дежурному по залу: на полке стоят несколько экземпляров XIX тома, несколько экземпляров XXI, а XX тома нет. Оказывается, XX тома в первом издании не существует вовсе. Да, есть XIX, есть XXI, а XX том так и не вышел. Случай, в издательском деле именуемый словом «перескок». То, что ищет читатель, можно найти во втором издании Сочинений. Это IV том марксова «Капитала». Под него и был резервирован XX том первого издания, но в свет так и не появился. Его готовили накануне Отечественной войны. Война помешала его изданию. А после войны потребовались еще долгие годы работы над рукописью, чтобы вышел этот том, о котором даже сравнительно эрудированные читатели

часто спрашивают: «IV том «Капитала»? А разве он существует? Разве в «Капитале» не три тома?» Незнание простиительно. Впервые IV том «Капитала» полностью увидел свет почти через сто лет после того, как он был написан. В 1954 г. в Москве вышла первая книга этого огромного тома, в 1957—1961 гг. — вторая и третья книги. Тогда же публиковались тома второго издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. В этом собрании уже нет «перескока». Завершающая часть марксова «Капитала» вошла в это собрание в качестве его 26-го тома, который пришлось разбить на три части. Еще бы, в нем, не считая научного аппарата, 1700 страниц! 1700 страниц Маркса, впервые научно подготовленные и надлежащим образом изданные. Какой щедрый подарок получили читатели сначала в СССР, а потом во многих странах мира! Но как же случилось, что почти на целое столетие отодвинулась публикация рукописей Маркса?

...Свыше десяти лет отдал Ф. Энгельс работе над тем, чтобы подготовить к печати не законченные К. Марксом II и III тома «Капитала». Его вдохновляла в этой работе великая любовь к своему умершему другу, понимание того, как важна публикация книг К. Маркса для их общего дела. Прделана была фантастическая, гигантская работа, которой В. И. Ленин отдал дань, написав, что Ф. Энгельс, в сущности, был соавтором II и III томов «Капитала»¹². Но подготовить к изданию последний том «Капитала» Ф. Энгельс не успел. То, что не успел сделать Ф. Энгельс, выполнили советские ученые. В 1948 г. Институт марксизма-ленинизма поручил подготовить к изданию рукопись IV тома «Капитала» двум своим научным работникам. То были философы В. К. Брушлинский и И. И. Прейс. Второй из них не дожидаясь завершения гигантского труда. Он умер в 1958 г. за редакторским столом, когда шла работа над третьей книгой IV тома. К тому времени оба подготовителя тома отдали этой работе по десять лет жизни. После смерти Прейса Брушлинскому понадобилось еще пять лет, чтобы подготовить к печати последнюю книгу тома. Почему же так долго продолжалась эта работа?

Когда Ф. Энгельс после смерти К. Маркса занялся разбором рукописей на чердаке дома на Мейтленд-парк, где жил Маркс, он увидел там много, такого, о существовании чего даже не подозревал. 22 мая 1883 г. Ф. Энгельс пишет об этом дочери своего друга Лауре Лафарг. В письме (оно впервые было опубликовано в Париже в 1956 г., а на русском языке — в 1964 г.) Ф. Энгельс предупреждал: «Прежде чем мы проникнем во все тайны этого чердака, полного ящиков, пакетов, свертков, книг и т. д., должно пройти некоторое время»¹³. Времени на это потребовалось больше, чем предполагал Ф. Энгельс. Проходит 9 месяцев, и Энгельс, хотя и сообщает Лауре (письмо это тоже только недавно впервые опубликовано), что «мы, наконец, расчистили старый «склад», нашли массу вещей», но добавляет, что и впрямь «снова придется рыться на Мейтленд-парк». Перечисляя найденное, Ф. Энгельс называет ту рукопись, публикация которой и составила IV том «Капитала». Он пишет: «Среди рукописей имеется первый вариант «Капитала» (1861—1863 гг.), и там я нашел несколько сот страниц «Теории прибавочной стоимости», часть которых вошла в переработанном виде в текст более поздних вариантов «Капитала», но здесь остается вполне достаточно для того, чтобы второй том превратился во второй и третий»¹⁴. Описывая разобранные им рукописи К. Маркса, Ф. Энгельс в письме к Ф. Зорге, отправленном в новогоднюю ночь 31 декабря 1884 г., сообщает: «И наконец книга IV, «Теория прибавочной стоимости», из самой старой рукописи... Что она собой представляет — пока еще сказать трудно. Взяться за нее можно будет лишь после того, как будет готово все остальное. Это — около 1000 густо исписанных страниц ин-кварти»¹⁵. Чтобы опубликовать эти густо исписанные страницы, понадобилось около 1700 печатных страниц.

Отношение Ф. Энгельса к рукописи К. Маркса меняется по мере ее изучения. Сначала ему кажется, что это — повторение написанного в первых трех томах, и он намерен сделать значительные сокращения. Но по опыту работы над III томом Ф. Энгельс знает, сколь рискованны такие операции над текстом К. Маркса. Тогда он тоже хотел сократить «повторы», но потом убедился, что такие повторения, «как это обыкновенно бывает у Маркса, каждый раз касаются предмета с иной стороны или по крайней мере освещают его в иных выражениях»¹⁶. IV том тоже требует большой работы, а Ф. Энгельс уже слаб здоровьем. Он очень занят, боится, что не справится с этим трудом. Невольно он вынужден сделать следующее: обращается с просьбой помочь ему к двум молодым немецким социал-демократам — Карлу Каутскому и Эдуарду Бернштейну. 28 января 1889 г. (прошло уже несколько лет после обнаружения рукописи) Ф. Энгельс пишет Каутскому: «Я намерен сделать тебе сегодня предложение... Я предвижу, что в лучшем случае мне еще долго придется беречь свое зрение, чтобы привести его снова в порядок. Этим исключается для меня, по меньшей мере на годы, возможность самому продиктовать кому-нибудь рукопись четвертой книги «Капитала». С другой стороны, я должен позаботиться о том, чтобы не только этой, но и остальных рукописями Маркса можно было пользоваться и без меня. Это возможно только при том условии, если я научу разбираться в этих нероглифах людей, которые в край-

¹² См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 2, стр. 12.

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 36, стр. 27.

¹⁴ Там же, стр. 98.

¹⁵ Там же, стр. 227.

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 25, ч. 1, стр. 5.

нем случае смогут меня заменить, а пока хотя бы помочь мне при издании». Энгельс выражает надежду, что Каутский после известной выучки и практики сумеет «воспроизвести... приблизительно 750 страниц оригинала в виде удобочитаемой рукописи», и предлагает заплатить за это Каутскому 100 фунтов стерлингов. «Как только я добьюсь того,— продолжает Энгельс,— так вы оба легко сможете разбирать почерк Маркса, у меня упадет гора с плеч... так как тогда эти рукописи перестанут быть книгой за семью печатями, по крайней мере для двух людей»¹⁷.

Проходят годы, а Каутский не торопится с выполнением порученной ему работы. Он уезжает из Лондона в Штутгарт и там совсем забрасывает работу. Он взял с собой рукопись. Ф. Энгельс просит вернуть ее 20 марта 1893 г. Ф. Энгельс пишет Каутскому: «Если бы я знал, что ты предполагаешь продолжить работу над рукописью «Теория прибавочной стоимости», то оставил бы ее у тебя, но так как уже несколько лет ничего об этом не слышу, а при работе над третьим томом иногда приходится сопоставлять рукописи, то я и попросил тебя прислать ее»¹⁸. И Каутский... возвращает рукопись. Силы у Энгельса слабеют, а работы впереди так много. В 1894 г., за 8 месяцев до смерти Энгельса, Лаура напоминает ему о IV томе, и он с горечью отвечает (это письмо впервые было полностью опубликовано в 1957 г. в журнале «Вопросы истории КПСС» № 1): «Ты говоришь, что после окончания третьего тома я прежде чем приступить к четвертому я должен дать себе небольшой отдых. Так вот, я тебе сейчас изложу, как обстоит дело». И Энгельс перечисляет свои занятия: «Мне нужно следить за движением в пяти крупных и во многих мелких европейских странах, а также в Соединенных Штатах Америки. Для этой цели я получаю три немецких, две английских, одну итальянскую и с 1 января также одну венскую, а всего семь ежедневных газет. Из еженедельных получаю: две из Германии, семь из Австрии, одну из Франции, три из Америки (две на английском языке, одну на немецком), две итальянских и по одной на польском, болгарском, испанском и чешском, причем тремя из этих языков я лишь теперь постепенно овладеваю»¹⁹.

Энгельсу уже 74 года. У него плохое зрение. Ему нужно время, чтобы подготовиться к этой большой работе. А кроме того, у него «все возрастающая масса корреспондентов — больше чем во времена Интернационала!». Предстоит публикация писем Маркса юношеских лет. Нужно переработать для нового издания собственную книгу «Крестьянская война в Германии». Ф. Энгельс хочет также написать «основные главы политической биографии Маркса: 1842—1852 и Интернационал, за этим ждут еще переиздания «ранние небольшие произведения Мавра и мои собственные». И, кроме всего, IV том «Капитала»... «Эта рукопись в очень сыром виде,— пишет Ф. Энгельс Лауре Лафарг,— и пока еще нельзя сказать, насколько ее можно будет использовать. Сам я не могу снова взяться за ее расшифровку и продиктовать всю рукопись, как поступил со II и III томами. Мое зрение было бы полностью загублено прежде, чем я сделал бы половину работы. Я убедился в этом много лет тому назад и попытался найти другой выход; решил, что было бы хорошо, если бы один или два толковых представителя младшего поколения научились читать почерк Мавра». И Ф. Энгельс рассказал Лауре о попытке привлечь к работе Каутского и Бернштейна для того, чтобы расшифровать рукописи человека, которого они провозглашали своим учителем. Но оказалось, что Каутский «слишком занят изданием» «Neue Zeit»... Бернштейн тоже не только очень занят, но страдает от переутомления; он еще не совсем разделался со своей неврастенией... Молодые очень заняты, переутомлены, больны неврастенией. Ах, если бы он, 74-летний Энгельс, был бы моложе! «Да, если бы я мог разделить самого себя на Ф. Энгельса 40 лет и Ф. Энгельса 34 лет, что вместе составило бы как раз 74 года, то все быстро пришло бы в порядок. Но при существующих обстоятельствах все, что я могу, это продолжать свою теперешнюю работу и работать возможно больше и возможно лучше»²⁰. Ф. Энгельс так и делает. В апреле 1895 г., за четыре месяца до смерти, он пишет швейцарскому экономисту Стефану Бауэру: «Если мне суждено будет выпустить также и IV-ю книгу «Капитала»...»²¹. До последних своих дней он надеялся на это.

...Десять лет, как нет Ф. Энгельса. И только теперь Каутский решается заняться расшифровкой рукописи. Теперь не нужна та тщательность в работе, которую требовал Ф. Энгельс. Теперь можно поступать как заблагорассудится. Процесс психологического, морального, идейного перерождения длителен и часто проходит глубоко скрытно. В годы, когда Каутский готовит к печати завершающий том «Капитала», он еще не ревизует К. Маркса и даже защищает его от тех, кто требует «пересмотра». Но перерождение, пока подспудное, уже идет в нем. В последнем письме к Каутскому 21 мая 1895 г. Ф. Энгельс выражает недоумение, что тот вместе с Бернштейном предпринял издание «Истории социализма» втайне от своего учителя. Ф. Энгельс писал с горечью, что поведение Каутского и «милейшего Эде» его задело и ему даже показалось, что у них «совесть не чиста»²². В деле об издании IV тома «Капитала» Каутский тоже пре-

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 37, стр. 117—118.

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 39, стр. 50.

¹⁹ Там же, стр. 286—287.

²⁰ Там же, стр. 287—288.

²¹ Там же, стр. 382.

²² См. там же, стр. 397—398.

небрегает мнением Ф. Энгельса. Он не считает, что рукопись «Теории прибавочной стоимости» может стать завершающим томом «Капитала», хотя именно так определял ее сам Маркс. Об определении К. Маркса Каутский умолчал, а на прямой спор с Ф. Энгельсом решился. В 1904 г. Каутский пишет Г. В. Плеханову: «Я считаю нужным, в противоположность Энгельсу, выпустить этот том не как 4-й том «Капитала», что вызовет неверные ожидания, а как «Теории прибавочной стоимости»²³. Объясняя, почему он так делает, Каутский в предисловии к I тому «Теории прибавочной стоимости» писал, что К. Маркс создавал этот труд, записывая мысли «в том порядке, в каком они приходили в голову», и потому, мол, материал «принимает для всех, кроме самого автора, характер хаоса»²⁴.

И Каутский не стеснялся расправиться с этим «хаосом». Где хочет, сокращает очень важные места, например, то, где К. Маркс впервые сформулировал закон средней прибыли и цены производства, или то, где обосновывается, почему при определенных условиях происходит абсолютное обнищание рабочего класса, и т. п. Сокращает, не стесняясь, около шести печатных листов. Где хочет, от себя пишет вставки, не оговаривая, что это его, Каутского, текст²⁵. Каутский самовольно меняет политэкономическую терминологию К. Маркса. Он всячески смягчает резкую критику К. Марском буржуазных экономистов. Там, где К. Маркс пишет, что их труды — «дребедень», Каутский заменяет это слово значительно более мягким — «мудрствование». В рукописи К. Маркса гневно говорится о «доходах негодяя-чинуши», а Каутский «успокаивает» К. Маркса, заменяя его выражение на нейтральное: «доходы чиновников». У К. Маркса «свински неопрятная барыня», у Каутского просто «дама». Выбрасывает Каутский такие эпитеты К. Маркса, как «каналы», «мерзавцы», «казенные мусорщики», объясняя, что они якобы «не предназначены к печати». Каутский не только «причесывает» К. Маркса, он замазывается и на большее: наводя «порядок» там, где ему почудился «хаос», он перекраивает всю рукопись, сводит весь ее логический порядок, который ему недоступен, к единой простейшей «системе» — хронологической. И тем самым калечит рукопись.

Правда, и в таком искаженном виде публикация ранее неизвестного произведения К. Маркса вызывает восторг у многих революционеров — ведь, конечно же, Каутскому не удалось испортить все. В. И. Ленин широко использует богатейший материал впервые опубликованной работы К. Маркса. Он характеризует ее рассуждения как «замечательно глубокие», «гениально ясные». В. И. Ленин видит в них подтверждение некоторых своих теоретических выводов, которые он сделал до появления в свет этой работы К. Маркса. Так, при переиздании своего труда «Аграрный вопрос и «критики Маркса» В. И. Ленин в примечании отмечает совпадение своей точки зрения, высказанной им еще в 1901 г., на абсолютную ренту с точкой зрения К. Маркса, ставшей известной В. И. Ленину уже после того, как он написал эту работу²⁶. Каутский многие годы держал под спудом казавшуюся ему не столь уж важной рукопись К. Маркса, а В. И. Ленин, познакомившись с «Теориями прибавочной стоимости», немедленно пускает в оборот новые идеи, обнаруженные им в этом IV томе «Капитала». Владимир Ильич то и дело цитирует работу К. Маркса, применяет ее в борьбе с критиками основоположника марксизма.

Рукопись К. Маркса была в числе тех, которые московский Институт Маркса — Энгельса получил из берлинского архива германской социал-демократии. Она состояла из 23 тетрадей, называемых архивистами-марксоведами «Большой серией». Эту серию и предстояло расшифровать Брушлинскому и Прейсу, когда им поручили подготовить к изданию IV том «Капитала». Ученые начали с исследования текста самой рукописи. В течение двух лет они изучали доставлявшиеся из Центрального партийного архива фотокопии листов рукописей IV тома «Капитала». Первое, поверхностное прочтение рукописи оказалось архитяжким трудом. К. Маркс писал «Теории прибавочной стоимости» горячаясь, скорописью, подгоняемый желанием скорее изложить на бумаге теснившиеся в голове мысли. Сам Маркс, понимавший, что даже ему будет трудно разобрать свои записи, сделанные в десятках тетрадей, иногда составлял «ключи» к ним. Так, например, он написал «Указатель к семи тетрадям», «Рефераты к моим собственным тетрадям». К «Теориям прибавочной стоимости» он тоже оставил некоторые «ключи». Все листы 23 тетрадей он пронумеровал единой пагинацией. На обложке каждой тетради сделал ее оглавление. Многие тетради прямо или косвенно датировал. Но все равно внутренняя связь отдельных записей воспринималась затрудненно. Дело в том, что К. Маркс, записав некую мысль, мог сделать и делал пространное отступление от нее и лишь через несколько тетрадей вновь возвращался к этой мысли. Запись носит, таким образом, не плавный, а зигзагообразный характер. Исследователям надо было поймать нити единого логического повествования. Для этого мало расшифровать текст рукописи, надо было глубоко проникнуть в ее содержание. Два года ушло у Брушлинского и Прейса на первичное прочтение рукописи. В результате был составлен проект «проспекта», в котором ученые излагали свое

²³ «Группа «Освобождение труда». Сборник № 6, 1928, стр. 265—266.

²⁴ См. предисловие к «Теориям прибавочной стоимости». Т. 1. М. 1931, стр. 9—11.

²⁵ См. книгу В. С. Выгодского «Место «Теории прибавочной стоимости» в экономическом наследии Карла Маркса». М. 1963. Здесь дается пространный перечень сокращений, искажений и ошибок, допущенных Каутским при прочтении текста Маркса.

²⁶ См. В. И. Ленин. ПСС. Т. 5, стр. 120—121.

мнение по поводу того, в какой последовательности должны быть напечатаны записи, сделанные в различных тетрадах «Большой серии». Решено было подвергнуть их проект публичному обсуждению. Для этого осенью 1950 г. он был напечатан в журнале «Вопросы экономики». В результате дискуссий проект был принят. Одобрен был главный принцип подхода к публикации, принцип логического, а не хронологического изложения. Авторы проекта исходили из того, что «Теории прибавочной стоимости» не учебник истории политэкономии, где строго хронологическое изложение материала закономерно и необходимо. Это теоретическая работа, в которой дан анализ того, как различные буржуазные политэкономы подходили к центральному пункту политической экономии — к вопросу о прибавочной стоимости. Приближение к истине происходило не постепенно: одни подходили совсем близко, последующие могли сделать отступление, зигзаг в сторону от истины. Поэтому и марксов анализ истории экономической науки отражал то, что происходило в жизни, и закономерно имел «зигзагообразный» характер изложения. А это усложнило его логическую расшифровку.

Как уже было отмечено, главный порок публикации Каутского заключался в том, что, не разобравшись глубоко в конструкции и сквозной линии тома, Каутский расположил материал «по порядку». Помещен, к примеру, в предпоследней тетради «Большой серии» фрагмент о жившем в XVII в. экономисте Петти, и Каутский, следуя хронологии, помещает этот отрывок в самое начало тома, нарушая весь логический ход повествования рукописи, открывавшейся у К. Маркса анализом теории экономиста XVIII в. Стюарта. К. Маркс в начале своей рукописи наиболее тщательно анализирует труды так называемых «физиократов», которых считал «котцами современной политической экономии». Вслед за ними рассматриваются теории классиков буржуазной политэкономии Адама Смита и Давида Рикардо, наиболее близко подошедших в своем анализе к подлинному смыслу объективных законов, действующих в сфере экономической жизни буржуазного общества. За взлетом классической буржуазной политэкономии следует упадок этой науки. Критике политэкономистов, сделавших несколько шагов назад, К. Маркс посвящает куски шести тетрадей «Большой серии». В последних тетрадах — незавершенные фрагменты, значительно менее подробные рассказы о тех, кто был предшественником классической буржуазной политэкономии. Быть может, К. Маркс и их теории хотел рассмотреть впоследствии подробнее, но не успел сделать этого. Поэтому последние тетради носят особенно незавершенный характер. Но Каутский, считавший весь труд К. Маркса черновым, незавершенным, одинаково отнесся ко всем тетрадам его «Большой серии». И он перемешал, расположив в хронологической последовательности, и законченные части рукописи и совсем незавершенные наброски. Советские ученые предложили отказаться от такого «порядка» и менее разработанные, незавершенные фрагменты выделить в приложение, а основную часть рукописи дать в научной последовательности, в том хорошо усвояемом логическом изложении, которое дано К. Марксом.

В проекте «проспекта» решался и другой кардинальный вопрос публикации рукописи. Как известно, и К. Маркс и Ф. Энгельс считали эту рукопись IV томом «Капитала». Каутский отрицал это, полагая, что «Капитал» и «Теории прибавочной стоимости» не единое произведение, а два, идущих параллельно. И во всех предыдущих изданиях «Теорий прибавочной стоимости» не указывалось, что это IV том «Капитала». В действительности хотя то, что называется в рукописи «Теориями прибавочной стоимости», написано раньше остальных трех томов, материал, помещенный в «Теориях», задуман был К. Марксом как завершающий том его «махины». «Для себя,— писал К. Маркс,— я начал «Капитал» как раз в обратном порядке по сравнению с тем, как он предстанет перед публикой...»²⁷. По плану, который дошел до нас в ряде вариантов, предполагалось: после того, как в нескольких томах К. Маркс изложил собственную теорию политэкономии, в завершающем томе он даст историю предыдущих теорий и их критику. Сначала исторический экскурс К. Маркс думал сделать кратким. Но так как первые три тома еще не были написаны к тому времени, когда он принялся за последний том, то краткого очерка «Истории теорий» не получилось. Рядом с изложением прежних теорий К. Маркс давал и их критику и свой взгляд на рассматриваемые вопросы. Экскурс разросся в огромный труд объемом около 110 печатных листов. Потом К. Маркс написал три «предшествующих» тома «Капитала». В них он развил положения своей теории, изложенной в IV томе только попутно с освещением истории вопроса. Таким образом, сначала родился том «Капитала», в котором К. Маркс дал историю политэкономии и лишь попутно излагал свои собственные взгляды, а потом были написаны три тома, в которых он излагал свои взгляды, а попутно критиковал политэкономические взгляды других ученых и дал историю вопроса. Это не параллельные книги, как хотел представить дело Каутский, а единый, великий труд, с разных точек зрения освещающий один и тот же вопрос. Тома дополняют друг друга, и отрывать их — значит нарушить стройность конструкции марксовой «махины», в некоторой мере снизить ее ценность.

В 1952 г., во время работы над второй книгой IV тома, И. И. Преис тяжело заболел. Тромб закупорил вену ноги, и ее пришлось ампутировать. Еще не вполне оправившись после операции, Преис принялся за прерванную работу. В то время ему исполнилось 60 лет. Преис не мог подниматься на второй этаж института,

²⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 34, стр. 238.

где одна из комнат служила кабинетом Брушлинскому. И их совместная работа проходила во флигеле института, где на первом этаже жили Прейс и его жена — писательница Елена Ильина, сестра С. Я. Маршака. Это обстоятельство проливает некоторый дополнительный свет на характер работы ученых над рукописью IV тома «Капитала». Подготовители тома задались целью не только восстановить со скрупулезной точностью сложнейшие извивы разбросанного по многочисленным тетрадам марксова повествования, но и перевести его на русский язык так, чтобы сохранился полностью темпераментный и поэтический строй речи, который отличал К. Маркса от всех писавших на темы якобы «скупчайшей» политической экономии. И пусть биографы С. Я. Маршака знают, что знаменитый переводчик Шекспира и Бернса не раз участвовал в дискуссии, как лучше перевести тот или иной фрагмент К. Маркса из его «Теорией прибавочной стоимости».

Кстати, имя Маршака упоминается во втором издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. Для 2-го тома этого Собрания Самуил Яковлевич перевел на русский язык 9 строф английского рабочего поэта Эдуарда Мида. Перевод на немецкий язык этих же строф сделал Ф. Энгельс — он привел их в своем «Положении рабочего класса в Англии» потому, что они верно передают «господствующее среди рабочих настроение». Чтобы дать представление о стихах и переводе, приведем лишь одну, заключительную строфу — слова, с которыми поэт обращается к рабочим:

Да проснется ваш гнев и разверзнет свой зев.
Да покатыся в пропасть на дно
Раззолоченный сброд туеядцев-господ
И жестокий их бог заодно!²⁸

В свое время по поводу напечатанных в журнале «To-day» нескольких страниц английского перевода первого тома «Капитала» Ф. Энгельс написал статью «Как не следует переводить Маркса». В связи с неудачным переводом Ф. Энгельс писал: «Маркс принадлежит к числу тех современных авторов, которые обладают наиболее энергичным и сжатым стилем. Чтобы точно передать этот стиль, надо в совершенстве знать не только немецкий, но и английский язык... Выразительный немецкий язык следует передавать выразительным английским языком, нужно использовать лучшие ресурсы языка»²⁹. Чтобы так перевести К. Маркса, нелишне было посоветоваться с Маршаком³⁰. В своем предисловии к книге, предшествовавшей «Капиталу» и называющейся «К критике политической экономии», К. Маркс писал: «У входа в науку, как и у входа в ад, должно быть выставлено требование:

Здесь нужно, чтоб душа была тверда;
Здесь страх не должен подавать совета»³¹.

Эти строчки из Данте, процитированные Марксом, стали девизом двух советских исследователей.

Представьте себе, что вам досталась рукопись никогда не читанного вами романа «Война и мир», написанная «сплошняком», без разбивки на части, главы, абзацы, и что вам поручено не только расчленить ее по смыслу, но и дать к отдельным частям заголовки. Трудная задача? А ведь примерно такую, в числе других задач, должны были решить советские исследователи. Каждая тетрадь «Большой серии» имеет на обложке сделанное К. Марксом очень краткое оглавление. Но самый текст идет почти подряд. То и дело попадаются куски сплошного текста в пять, шесть, семь печатных листов (!), к тому же с абзацами длиной в семь—девять страниц. В таком виде произведение было бы, конечно, трудным для усвоения читателем. Предстояло найти подробное, логическое «членение» будущего тома, увидеть «стыки», где совершаются переходы от рассмотрения одного вопроса к рассмотрению другого, и предстояло озаглавить такие переходы. 286 заголовков и подзаголовков к тексту К. Маркса дали подготовители тома. Надо уметь совсем не прислушиваться, как писал Данте, к «советам страха», чтобы учредить «Ведомость описок и неточностей Маркса». А такую ведомость наши исследователи завели. В нее занесено было 1 190 пунктов. Каждый пункт надо было точно обосновать: здесь К. Маркс ошибся в написании слова, здесь — при арифметических расчетах, там — в цитате. А для примечаний к тексту, для именового и литературного указателей какую литературу надо было протудировать, сколько имен воскресить из исторического небытия! Не говоря уже о том, сколько надо было расшифровать слов, не разобранных Каутским, в тексте, написанном К. Марксом скорописью — за 12 месяцев 110 печатных листов!

²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 2, стр. 412, 413.

²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 238.

³⁰ Оба редактора сами были отличными филологами. И. И. Прейс школу кончал в Германии, и язык Маркса был языком его детства. В. К. Брушлинский — почти полиглот, который не только свободно владеет немецким, французским и английскими языками, но на итальянском изучал Данте, на латинском штудировал Лукреция, на греческом читал Гомера, Платона, Аристотеля.

³¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 13, стр. 9.

В 1961 г. была закончена работа над IV томом «Капитала» — «Теориями прибавочной стоимости». Три книги «Теорий» вышли сначала отдельным изданием, а в 1962—1964 гг., еще раз проверенные и пополненные рядом новых примечаний, вошли во второе издание Сочинений, образовав три книги его 26-го тома. Как только появилась новая публикация «Теорий», этот труд начали переводить во многих странах мира. Институт марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ приступил к подготовке соответствующего этому образцу немецкого издания. В нем были целиком повторены и предисловие, и примечания русского издания, и вся его композиция, и членение на главы и параграфы. Свершился круговорот: если первые три тома «Капитала» пришли к русскому читателю из Германии, то научное издание IV тома немцы получили из Советского Союза. А уже потом с немецкого том этот был переведен и издан в Японии, Англии, Италии, Венгрии, Чехословакии, Румынии, Польше, Болгарии и других странах. Журнал «Wirtschaftswissenschaft» назвал эту работу «крупной, выдающейся заслугой советской науки». Рукопись, которую Ф. Энгельс нашел на чердаке дома, что стоял на Мейтленд-парк, и в которой он сам не сразу узнал IV том «Капитала», рукопись, которую он так мечтал издать, рукопись, так долго хранившаяся под спудом, а потом опубликованная с ошибками и купюрами, вышла наконец в свет и стала достоянием каждого, желающего прочесть ее.

Таблица Георгия Багатуря

Изданию самой крупной после «Капитала» двухтомной работы К. Маркса и Ф. Энгельса «Немецкая идеология» долго «не везло». Впервые она была опубликована спустя почти 90 лет после того, как в Брюсселе, засиживаясь до трех-четырёх часов ночи, торопясь, увлекаясь и хохоча так, «что ни один человек в доме не мог спать», К. Маркс и Ф. Энгельс создавали свое произведение, о котором Ф. Энгельс впоследствии сказал: «Это самое дерзкое из всего, что было когда-либо написано на немецком языке»³². Впервые и на немецком и на русском языках все известные к тому времени сотни страниц рукописи «Немецкой идеологии» были полностью опубликованы в Москве — в 1932—1933 годах. Их издал Институт Маркса — Энгельса — Ленина, приобретя у германских социал-демократов фотокопию рукописи.

Германские социал-демократы никак не решились опубликовать «дерзкую» рукопись. Что существует некая двухтомная рукопись, в которой, как писал К. Маркс, он и Энгельс решили в 1845 г. «сообща разработать наши взгляды в противоположность идеологическим взглядам немецкой философии», было упомянуто в предисловии, написанном в январе 1859 г. К. Марксом к его работе «К критике политической экономии». В предисловии указывалось, что «это намерение было осуществлено в форме критики послегегелевской философии. Рукопись — в объеме двух толстых томов и восьмую долю листа — давно уже прибыла на место издания в Вестфалию, когда нас известили, что изменившиеся обстоятельства делают ее напечатание невозможным. Мы тем охотнее предоставили рукопись грызущей критике мышей, что наша главная цель — уяснение дела самим себе — была достигнута»³³. Долгое время было неизвестно, куда девалась рукопись. Неужто ее целиком «раскритиковали» мыши? Бернштейн, к которому как хранителю рукописного наследия должна была она перейти, всячески пытался представить, что дело обстоит именно так. В течение многих лет он держал ее под спудом. Франц Меринг, одним из первых получивший доступ к рукописи, заявил публично, что она не представляет большого интереса: «Мыши выполнили свое дело в буквальном смысле этого слова и порядком изгрызли манускрипт, но сохранившиеся части его объясняют нам, почему авторы не особенно были огорчены этим несчастием»³⁴. Не огорчены, так как рукопись якобы не представляет большого интереса.

Между тем Ф. Энгельс в предисловии к своей книге «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» писал, что в «Немецкой идеологии» они с Марксом решили сообща разработать «выработанное главным образом Марксом материалистическое понимание истории»³⁵. Материалистическое понимание истории наряду с созданием теории прибавочной стоимости — величайшее открытие К. Маркса. Оно было впервые всесторонне разработано в 1845—1846 гг. в «Немецкой идеологии». И вот эта работа объявляется не имеющей большого интереса! Сам Бернштейн опубликовал только часть рукописи — раздел «Святой Макс». Но и его он издал с большими купюрами, пропустил, например, целиком главу о либеральном гуманизме. Объясняя, почему он так сделал, Бернштейн писал: «Так как сохранилось только три страницы, — все остальное, листы 41, 42, съели мыши, — то я предпочитаю не печатать совсем эту главу»³⁶. Но когда в архив Бернштейна были допущены советские исследователи, они выяснили, что почти все якобы съеденное мышами в действительности сохранилось без каких-либо значительных повреждений. Правда, несколько страниц двухтомной рукописи исчезли, но только несколько страниц. И вот, сначала по частям, а в 1932—1933 гг. целиком, фундамен-

³² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 36, стр. 29, 35.

³³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 13, стр. 8.

³⁴ Ф. Меринг. Карл Маркс. История его жизни. М. 1937, стр. 138.

³⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 21, стр. 370.

³⁶ Цит. по: Д. Б. Рязанов. Очерки по истории марксизма. Т. 1. М.—Л. 1928, стр. 194.

тальная первостепенная работа К. Маркса и Ф. Энгельса была напечатана в Советском Союзе. С тех пор не менее 35 раз издавалась на разных языках и в разных странах «Немецкая идеология», а ее первая глава — самая важная, обобщающая — не менее 50 раз. В конце же 1965 г. журнал «Вопросы философии» помещает новую публикацию этой главы. Почему? Причина тому — две находки. Первую сделали в Амстердаме. Здесь, в Институте социальной истории, обнаружили и в 1962 г. опубликовали ранее неизвестные три листа (шесть страничек) рукописного текста «Немецкой идеологии». Вторая — и главная — находка сделана в Москве советским марксоведом Г. А. Багатурия, который совершенно по-новому прочитал первую главу «Немецкой идеологии», по-новому осмыслил содержание и структуру дошедших до нас нескольких рукописей этой главы.

Дело в том, что первая глава «Немецкой идеологии», которую авторы назвали «Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений», не была завершена. Между тем именно в этой главе сконцентрировано все то новое, что К. Маркс и Ф. Энгельс вразброс разместили на остальном пространстве своего двухтомного острого полемического труда. Первая глава дошла до нас в виде пяти рукописей, написанных в разное время. В этих рукописях К. Маркс и Ф. Энгельс — каждый раз несколько по-иному — изложили законы материалистического понимания истории. Каждый раз по-иному, ибо в процессе работы над «Немецкой идеологией» К. Маркс и Ф. Энгельс впервые — для себя и для мира — открывали и формулировали многие из этих законов. Проходит всего полгода с того времени, когда К. Маркс и Ф. Энгельс, решив «свести счеты» со своей «прежней философской совестью»³⁷, принимаются писать «Немецкую идеологию», и «рукопись в объеме двух толстых томов в восьмую долю листа» готова. За полгода работы над рукописью так много постигнуто, сделаны такие открытия! Прошло полгода, и написанная вначале вводная глава уже не объемлет всего материала рукописи. Ее надо переделать. Как же не переделать первой главы, если, работая над третьей, К. Маркс и Ф. Энгельс формулируют одно из самых главных своих открытий! Они уясняют себе: на всем протяжении истории переход человеческого общества с одной ступени на другую, более высокую, совершался каждый раз путем революционного разрешения противоречий между новыми, выросшими производительными силами и старыми, превратившимися в оковы производительными отношениями. Об этом написано в третьей главе, но, конечно же, место этих страниц в обобщающей вводной части. И «страницы-открытия» изымаются из третьей главы, присоединяются к первой. Перенесен один кусок, потом второй, самый главный. Первая глава состоит теперь из трех рукописей — трех главок. К. Маркс объединяет общей нумерацией их страницы. Но это союз механический. Необходимо органическое соединение старого и новых текстов главы. Главу нужно написать заново. И пишется набедро, почти без поправок, новое начало. Но и оно не удовлетворяет авторов. Они его перечеркывают и пишут второй беловик. Уже возникли пять рукописей первой главы, но каждая не завершена полностью. А тут авторам становится ясно, что их труд вообще не будет опубликован: против — цензура, полиция, издатель, близкие к философам, раскритикованным в «Немецкой идеологии». Позднее, после неудачных попыток издать свой труд, К. Маркс напишет уже известные слова о том, что он и Ф. Энгельс «предоставили рукопись грызушей критике мышей». Но великое открытие сделано. Его можно возвести в других произведениях. Это и было осуществлено вскоре — в «Нищете философии», в «Манифесте Коммунистической партии».

Работы эти В. И. Ленин считал первыми произведениями зрелого марксизма. К сожалению, В. И. Ленину не была известна большая часть текста «Немецкой идеологии». В частности, ее важнейшая, первая глава впервые увидела свет в год смерти Владимира Ильича. И хотя значение «Немецкой идеологии» как произведения, в котором впервые всесторонне разработан исторический материализм, было оценено советской и мировой наукой уже в 30-е годы, только ныне открывается вся глубина содержания и стройность архитектоники этой работы основоположников марксизма. В 1955 г. вышел в свет третий том второго издания собрания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса с «Немецкой идеологией». Первую главу напечатали по тексту, подготовленному в 1932 году. До этого первая глава «Немецкой идеологии» уже публиковалась в 1924 г., но наспех, с серьезными ошибками при расшифровке текста: рукопись, только что полученную из Германии, хотелось скорее напечатать. К 1932 г. большинство ошибок в прочтении текста было исправлено. Но по необъяснимым причинам глава была реконструирована: из пяти отдельных незавершенных рукописей был создан единый текст, пять разных рукописей были разрезаны на 40 фрагментов, и отрывки эти расставлены друг за другом. Удачно ли это было сделано? Не ошибка ли это? И если ошибка, то как ее исправить?

Работая над главой биографии К. Маркса, посвященной тому периоду, когда вместе с Ф. Энгельсом создавал он «Немецкую идеологию», Багатурия изучает прессу тех лет, переписку К. Маркса, его записную книжку, мемуары и письма современников. Он уточняет дату начала работы над «Немецкой идеологией». Выяснилось, что это не сентябрь, как считалось, а ноябрь 1845 года. (Это важно: вспомним, что речь идет о месяцах жизни стремительно мужавших гениев.) Но главное в другом. Еще и еще,

³⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 13, стр. 8.

в который раз, исследователь перечитывает «Немецкую идеологию», ее таинственную в своей незавершенности первую главу. Чтобы написать в «Биографии» о том, как К. Маркс и Ф. Энгельс создавали «Немецкую идеологию», надо было выяснять действительную последовательность, в которой возникла эта большая и сложная работа.

Пять рукописей. В каждой нечто свое и нечто, повторяющееся в других. Это если анализировать содержание. А что общего в методе изложения, в структуре каждой рукописи? Вот пришел из Амстердама журнал, где опубликованы шесть вновь найденных страниц рукописи «Немецкой идеологии». Четыре из них относятся к первой главе. Где их расположить? Амстердамский журнал, особо не задумываясь, напечатал их подряд — вне текста главы. Девять страничек черновика вообще не найдены. Можно ли, судя по структуре рукописей, по угадываемому, пока интуитивно, одному ходу мыслей заранее знать, о чем были написаны эти найденные страницы? Существует таблица Менделеева — по ней заранее были предсказаны свойства еще не открытых элементов, их место в единой системе. Нельзя ли определить место каждой найденной страницы, угадать ее содержание на основе строго научной гипотезы? Вероятно, это возможно, если правильно установить взаимосвязь всех пяти рукописей, если выяснить общую схему изложения, по которой каждая из них создавалась. Ответ подсказала диалектическая логика. Есть такая философская закономерность: логика описания предмета отражает в себе логику самого предмета. Простой пример: если рассматривается предмет, состоящий из трех частей, то естественно, что логически построенное его описание будет иметь по меньшей мере три части. Багатурия рассудил: во всех пяти рукописях первой главы предмет описания — это законы материалистически понимаемой истории. Как понимали их К. Маркс и Ф. Энгельс? В основе исторического процесса лежит развитие материального производства. Способ производства определяет структуру общества, политическую надстройку и формы общественного сознания. Такова последовательность основных элементов этой концепции. Вероятно, в такой последовательности и излагали свой предмет исследования К. Маркс и Ф. Энгельс. Все изложение материалистического понимания истории начинается с рассмотрения предпосылок этой концепции и заканчивается ее выводами. Изложению собственных взглядов авторы предпослали общую характеристику взглядов своих идеологических противников. А после изложения своих взглядов перешли к критике этих противников. Вот и восстановлена логическая схема, которой, вероятно, должны были придерживаться К. Маркс и Ф. Энгельс в каждой из своих пяти рукописей, в пяти попытках наилучшим образом изложить только что уясненные самим себе (что ни месяц, то глубже) законы развития истории.

Гипотеза была создана. И «таблица Багатурия» оказалась действенной. В эту схему укладывалось содержание каждой из пяти рукописей. Страницы, найденные в Амстердаме, вставали точно на места логической схемы, в которой до того имелись пропуски. Теперь Багатурия уже твердо убежден: заранее можно сказать, о чем написаны и девять найденных страниц! Еще полтора года исследований. Верная и простая гипотеза продолжает работать. Она приносит все новые открытия. Вот одно из них. Три черновые рукописи первой главы К. Маркс объединил единой нумерацией страниц — от 1-й до 72-й. Вслед за ними в тетради — на новой, пронумерованной странице — еще несколько строк. Эти строки, а также большая часть текста предыдущей страницы не публиковались вместе со всей главой — они казались не связанными с ней записями. Багатурия проанализировал эти записи с помощью своей таблицы-схемы и доказал, что половина 72-й страницы — логическое завершение предшествующего текста, только написанное в виде тезисов. А на следующей странице — план новой рукописи, план первого черновика. Искусственному порядку, в котором в 1932 г. печатались как единый текст перетасованные фрагменты пяти рукописей К. Маркса и Ф. Энгельса, была противопоставлена подлинно научная логика. Весь коллектив Сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса в Институте марксизма-ленинизма помог Багатурии проверить «запас прочности» его доказательств. И хотя на стороне старой публикации была 30-летняя традиция, новое прочтение приняты в институте. В результате «Фейербах» — первая глава «Немецкой идеологии» — был подготовлен к печати в новой, подлинно научной редакции. Главу в новой редакции было решено выпустить отдельной брошюрой, включить ее в новый трехтомник Избранных произведений К. Маркса и Ф. Энгельса. И, не дожидаясь выхода этих изданий, главу печатает в 1965 г. в двух номерах (№№ 10 и 11) журнал «Вопросы философии». Печатает со специальным введением от Института марксизма-ленинизма, в котором, в частности, сказано: «Новая публикация значительно облегчает изучение богатейшего содержания «Немецкой идеологии», позволяет по-новому, более глубоко понять материалистическую теорию истории, проследить развитие ее основных положений на решающем этапе ее формирования». Бывают случаи, когда «перестает действовать классическое правило элементарной математики и от перестановки слагаемых сумма явно меняется»³⁸. Именно этими словами заканчивается статья, сопровождающая в «Вопросах философии» новую публикацию. Сумма идей К. Маркса и Ф. Энгельса была явно уменьшена от перестановки слагаемых, от перетасовки фрагментов текста. И работа Института марксизма-ленинизма, вернувшая этой сумме ее подлинный номинал, заслуживает благодарности всех, кому дорого духовное наследие генеев.

³⁸ «Вопросы философии», 1965, № 10, стр. 80, 118.

Десять тысяч уточнений

В научно-справочном кабинете Сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса есть папка — «Переписка с читателями». В ней собраны отзывы читателей о качестве переводческой и редакторской работы, проделанной при подготовке томов Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. Весьма разнятся письма о вышедшем в 1937 г. XVII томе первого издания и о 23-м томе второго издания, вышедшем в 1960 г., хотя напечатано в них одно и то же произведение — первый том «Капитала». До 1960 г. в Институт марксизма-ленинизма шли письма с сетованиями на неточности перевода, на непонятность некоторых мест. В последних письмах — высокая оценка стиля, научного аппарата 23-го тома.

Что, казалось бы, нового можно внести в редактирование книги, которая впервые опубликована на русском языке еще в 1872 г. и с тех пор издавалась многократно? (После революции этот том «Капитала» выходил в СССР 172 раза на 18 языках.) В первом издании Сочинений три тома «Капитала» вышли в переводе, сделанном под редакцией известного ученого-марксиста и опытного литератора И. И. Скворцова-Степанова. В предисловии от института было сказано, что «в этом переводе, выдержавшем уже ряд изданий, великое произведение Маркса читали и изучали поколения русских большевиков»³⁹. Чем же отличается первый том «Капитала» во втором издании Сочинений? За основу был взят тот же перевод под редакцией И. И. Скворцова-Степанова, но в текст тома было внесено около десяти тысяч поправок и уточнений по сравнению с изданием 1937 года. Десять тысяч поправок! Каким образом подготовитель тома А. И. Малыш и руководимая им бригада научных работников Института марксизма-ленинизма установили необходимость такого количества исправлений в почти каноническом переводе? И в 1937 г. и в 1960 г. основой для перевода послужил текст четвертого немецкого издания, вышедшего под редакцией Ф. Энгельса в 1890 году. Известно, что это самое совершенное из всех немецких изданий, для которого Энгельс, по его словам, «считал необходимым установить по возможности окончательную редакцию как самого текста, так и примечаний»⁴⁰. Ф. Энгельсом, а также частично Элеонорой Маркс была проделана после смерти автора «Капитала» огромная работа по подготовке четвертого издания I тома: выявлены опечатки, сверены тексты цитат, учтены рукописные пометки К. Маркса на предыдущих изданиях и т. д. Но все же не все опечатки были исправлены, не все цитаты проверены, а после каждой последующей перепечатки, после каждого переиздания к накопленным прежде ошибкам прибавлялись новые.

В институте решено было провести генеральную сверку перевода с рукописью, да и самое рукопись проверить. И в ней обнаружили свыше 270 опечаток, сделанных самим К. Марксом. Но к каждой опечатке уже привыкли. Чтобы исправить ее, нужно доказать: ошибся не ты, а автор. В отдельных случаях при существенных опечатках, меняющих смысл, надо было специально, в особом примечании, оговорить, почему подготовители тома считают, что это опечатка К. Маркса. Так, в третьей главе I тома «Капитала» К. Маркс писал: из закона скорости обращения средств платежа вытекает то, что «масса средств платежа, необходимых для всех периодических платежей, каков бы ни был их источник, находится в обратном отношении к продолжительности платежных периодов»⁴¹. Подготовители тома, взявшие за правило ни одно логическое построение, ни одну формулу не оставлять без проверки, установили, что здесь К. Маркс сделал опечатку: отношение массы средств платежа находится не в обратной, а в прямой зависимости к продолжительности платежных периодов. Об этом свидетельствует и логика и ссылка К. Маркса на родоначальника английской классической политэкономии У. Петти, который установил именно такую прямую зависимость. Но К. Маркс, сделав опечатку, не заметил ее и при переиздании. Не заметил ее и Ф. Энгельс. Подготовители тома обратились к специалистам — работникам Института экономики, Госбанка СССР и других организаций. Консультанты высказались за исправление текста. Все же решено было текст не менять, а указать в подстрочном примечании: «У. Маркса здесь, по-видимому, опечатка»⁴². После выхода тома с таким примечанием советский экономист З. Атлас выступил в журнале «Вопросы экономики» со статьей, в которой утверждал, что мнение об опечатке К. Маркса ошибочно. Ему возразил советский журнал «Деньги и кредит» и издающийся в ГДР журнал «Wirtschaftswissenschaft»⁴³. А когда первый том «Капитала» вышел в ГДР, это место было исправлено без всякого примечания, как само собой разумеющаяся опечатка.

Внимательное прочтение рукописи К. Маркса, сравнение ее с текстом перевода в первом издании помогли подготовителям тома выявить множество опечаток. А как быть с теми местами, о которых читатели писали, что они неясны, непонятны? Не явились ли эти неясности результатом не вполне точного перевода с немецкого языка на русский? И достижима ли вообще абсолютная идентичность при переводе? В любом языке есть своя окраска каждого слова, своя нюансировка фразы. Не требуют ли при переводе

³⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVII, стр. VII.

⁴⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 35.

⁴¹ Там же, стр. 153.

⁴² Там же.

⁴³ См. «Вопросы экономики», 1964, № 4; «Деньги и кредит», 1965, № 7; «Wirtschaftswissenschaft», 1965, Hf. 5.

некоторого дополнительного прояснения глубокие мысли, сложные логические построения, понятные читателю, у которого с автором один родной язык? Ответы на эти вопросы имелись у К. Маркса и Ф. Энгельса. Их, выступавших в роли редакторов перевода «Капитала» на французский и английский языки, и взяла себе в «консультанты» бригада А. И. Малыша. Как известно, К. Маркс считал, что первый перевод «Капитала» на русский язык сделан Г. А. Лопатиным и Н. Ф. Даниельсоном «мастерски»⁴⁴. Но это был лишь общий отзыв — русский перевод ни К. Маркс, ни Ф. Энгельс не редактировали. Правда, когда Лопатин начал переводить первые главы «Капитала», он, проживая в Лондоне, советовался с Марксом, выяснял оттенки некоторых мыслей, чтобы при переводе наилучшим образом передать смысл каждой фразы. То, что Лопатин полагал особенно трудным для уяснения русским читателем, он комментировал. Но ведь Лопатин успел перевести около двух третей тома, а потом внезапно уехал в Россию, чтобы организовать побег Н. Г. Чернышевского из сибирской ссылки. Известно, что К. Маркс и Г. А. Лопатин обменивались мнениями относительно необходимости прояснения особенно сложных для перевода мест, и Маркс обещал своему русскому другу проделать такую работу. Автор «Капитала» выполнил обещание, редактируя перевод первого тома на французский язык и отчасти подготавливая третье немецкое издание, вышедшее, однако, уже после его смерти.

Издание на французском языке было осуществлено в виде 44 выпусков, выходящих друг за другом на протяжении 1872—1875 годов. К. Маркс приветствовал это. «В такой форме,— писал он,— сочинение станет более доступным для рабочего класса, а это для меня решающее соображение»⁴⁵. Хотя переводчик Ж. Руа был большим знатоком и французского и немецкого языков, переводил он слишком буквально. И это не удовлетворяло К. Маркса. Он сам стал редактировать перевод. Он писал, что рукопись Руа «от начала до конца пришлось переделывать», и это «был для меня адский труд»⁴⁶. Объясняя Ф. Зорге, почему приходится так много трудиться над этим изданием, К. Маркс писал, что перевод он «часто вынужден переписывать заново, чтобы французам стала понятна суть». Об этой своей работе К. Маркс писал и в Петербург Даниельсону: «Я был вынужден переделывать целые куски французского текста, чтобы сделать их доступными для французской публики»⁴⁷. К. Маркс рекомендовал Даниельсону при подготовке второго издания на русском языке использовать эти его переделки, советовал, чтобы «переводчик постоянно и тщательно сравнивал второе немецкое издание с французским, так как последнее содержит много важных изменений и добавлений (хотя, правда, я был вынужден не раз, особенно в первой главе, «упрощать» [«aplatir»] изложение при переводе его на французский язык)». К. Маркс поставил слово «упрощать» в кавычки. В действительности же он не столь упрощал, сколь прояснял текст, делал его более популярным. Он сам писал, что при редактировании перевода «многое изложил гораздо лучше»⁴⁸. При подготовке четвертого немецкого издания I тома «Капитала» Ф. Энгельс учел поправки и уточнения К. Маркса, сделанные для французского перевода. Но не все. И, главное, в четвертом издании, конечно, не были учтены все переделки, которые необходимы именно для перевода и вовсе излишни, если читатель знакомится с «Капиталом» в оригинале, на немецком языке. А вот при переводе на любой язык редакторская работа, сделанная К. Марксом над французским изданием, — конечно же, лучшее «пособие». И второе «пособие» — перевод «Капитала» на английский язык, отредактированный Ф. Энгельсом, который учел весь опыт работы К. Маркса над французским изданием. А. И. Малыш и его бригада сделали эту «консультацию» с двумя переводами, консультацию с К. Марксом и Ф. Энгельсом как редакторами основным методом своей работы. Фраза за фразой сличали они немецкий, французский и английский тексты «Капитала», начиная с первой фразы, которой открывается «Капитал». В переводе первого издания она гласила: «Богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, является «огромным скоплением товаров»⁴⁹. Здесь между богатством обществ и огромным скоплением товаров полный знак равенства: «богатство... является». Между тем у К. Маркса это сказано менее категорично. В немецком тексте это сходство обозначено словом «erscheinen», которое можно перевести и как «являться» и как «выступать». Если бы Маркс хотел обозначить полное равенство двух понятий, он написал бы другое слово. Во французском переводе, авторизованном К. Марксом, стоит слово «s'annonce» — «выступает». В английском переводе Ф. Энгельс тоже отдал предпочтение обороту речи с тем же значением. Именно этот оттенок мыслей выбирает А. И. Малыш. И первая фраза «Капитала» в новом издании звучит следующим образом: «Богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, выступает как «огромное скопление товаров»⁵⁰. Найден несколько отличный, но очень важный оттенок мысли.

Итак, повторяю, фраза за фразой. Уточнение перевода прояснило многие из тех мест, которые казались читателям непонятными. Однако кое-что в произведении, напи-

⁴⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 33, стр. 402.

⁴⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 25.

⁴⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 33, стр. 414, 526.

⁴⁷ Там же, стр. 395, 402.

⁴⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 34, стр. 228, 277.

⁴⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVII, стр. 41.

⁵⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 43.

санном сто лет назад, и после таких прояснений могло оставаться не до конца понятным читателем. Иные сравнения, поговорки, факты, литературные образы, которые приво-дил К. Маркс, забылись. Объяснение их невозможно найти в общедоступных энцикло-педиях. Они требовали комментариев. 224 примечания были помещены в конце 23-го тома второго издания. Это ни в коем случае не толкования текста, а лишь тщательные ис-следования фактов, знание которых требуется для более глубокого уяснения теоретиче-ских положений К. Маркса. Впервые был создан такой научный аппарат ко всем томам «Капитала». Наряду с примечаниями в него вошли аннотированные указатели имен, указатель цитируемой и упоминаемой литературы, указатель русских переводов цити-руемых книг и, наконец, предметный указатель.

В 1960—1964 гг. вышли в свет четыре тома «Капитала» в новом издании на русском языке. И с тех пор во многих странах это великое произведение было издано вновь с учетом работы, проведенной Институтом марксизма-ленинизма. В ГДР и Япо-нии эти четыре тома вошли в состав издаваемых в этих странах собраний Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. Конечно же, самой серьезной проверкой работы бригады, подготавливавшей I том «Капитала» (как и других бригад института), была новая публикация произведений К. Маркса и Ф. Энгельса в ГДР на языке оригинала. Ученые ИМЛ с удовлетворением отметили, что их работа оказалась в высшей степени полезной даже для родины К. Маркса и Ф. Энгельса: все описки, все опечатки, обнаруженные в Москве, были учтены в Берлине. Использовали в ГДР и подготовленный в Москве научный аппарат. Повсюду был отмечен высокий научный уровень нового москов-ского издания.

...Счастливы те, кто может читать К. Маркса в оригинале. И полны благодарности люди тем переводчикам и редакторам, которые, конечно же, что-то теряя и утрачивая, но в максимально приближенной к оригиналу форме доносят до читателя глубочайшие мысли и блестящий стиль великих мыслителей.

Строка гения

Каждая строка гения интересна и нужна человечеству. А если она написана нераз-борчиво? Если по каким-либо причинам она зачеркнута самим автором? Как ее прочи-тать? Старейший работник Института марксизма-ленинизма Н. И. Непомнящая умеет разобрать такие слова или строки, написанные К. Марксом, перед расшифровкой кото-рых отступали предыдущие исследователи. Даже те, кто лично знал великого мыслителя. Даже дочери Маркса. Н. И. Непомнящая читает и зачеркнутые строки по виднеющим-ся из-за зачеркивающей линии верхушкам букв, написанным так хорошо знакомым ей почерком Маркса. Лишь познакомившись с тем, как невероятно сложно читать некото-рые рукописи К. Маркса, особенно его наброски, черновики, его заметки, сделанные немецким готическим письмом, можно оценить труд советских исследователей.

Сам Маркс жаловался в феврале 1855 г. Ф. Энгельсу: «Глаза у меня заболели из-за того, что я перечитывал свои собственные тетради по политической экономии...»⁵¹. Когда Маркса не стало и Ф. Энгельс готовил по оставшимся черновикам рукописей II и III тома «Капитала», он писал П. Я. Лаврову 5 февраля 1884 г.: «Я — единствен-ный из оставшихся в живых, кто в состоянии расшифровать этот почерк и разобрать эти сокращения слов и целых фраз»⁵². К. Маркс писал мелким, бисерным почерком — на четырех листах почтовой бумаги он умещал иногда до десяти печатных страниц. Порой он разделял слова на отдельные части, иногда писал слитно несколько слов. Очень часто он сокращал слова, выбрасывая все гласные. И помарки, помарки, пере-носы строчек, путающие весь текст, превращающие расшифровку его в труднейшую задачу. В дореволюционных изданиях произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, вышед-ших после смерти великих учителей человечества, были, как известно, не только оши-бочные прочтения, а и сознательные купюры, искажения текста. Но значительные, хотя и невольные, ошибки обнаружены и в томах первого советского издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, в издании, над которым работал большой и квалифицирован-ный коллектив института, в том числе и сама Н. И. Непомнящая.

...Лежат на столе у исследовательницы тома первого издания. Поля их испещрены поправками. Годы работы над наследием основоположников марксизма позволили по-норому прочесть ряд мест; вместо точек или взятых в скобки (как неясно читаемых) слов — с уверенностью поместить расшифрованный полностью текст К. Маркса. Вот юношеское письмо К. Маркса к отцу от 10 ноября 1837 года. Готовя его к изданию, дочь Маркса, Элеонора, не сумела расшифровать одно место и поставила вместо него квадратные скобки, заключив в них предположительное слово, которое делало несколь-ко неопределенной всю фразу. Другая дочь Маркса, Лаура, при подготовке француз-ского издания писем отца вовсе выпустила странное слово. Н. И. Непомнящая расшиф-ровала его. Она решила, что это не немецкое слово, раз его не могли распознать такие знатоки родного языка, как дочери Маркса. Стала искать слово, сходное по написанию и подходящее по смыслу в различных иностранных словарях, изданных в Германии. Начальные буквы «со» читались ясно. Было найдено латинское слово («соппипе») —

⁵¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 28, стр. 363.

⁵² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 36, стр. 87—88.

«тонко»: оно точно укладывалось в «силуэт» рукописного слова и очень логично «вливалось» в смысл фразы⁵³.

17-й том второго издания Сочинений. Здесь особенно много новых расшифровок текста. Вот набросок знаменитой работы К. Маркса «Гражданская война во Франции», написанной им на английском языке. К. Маркс готовил ее для опубликования в виде воззвания Генерального Совета I Интернационала по поводу событий Парижской коммуны. Воззвание должно быть кратким. А в своих двух предварительных набросках К. Маркс широко развивал ряд важных положений, в частности мысли о диктатуре пролетариата. Наброски эти не вошли в первое издание Сочинений, а были напечатаны лишь в III (VIII) томе «Архива Маркса и Энгельса», изданном в 1934 году. В подготовке этого тома «Архива» принимала в свое время участие и Н. И. Непомнящая. Но как ни билась она тогда, смысла ряда абзацев прояснить не удавалось. Был напечатан, например, довольно странно звучащий абзац, в котором говорилось, что французский народ убедился в необходимости «доделать революцию 1789 года, отправив [претендентов] туда, куда попадают в конце концов все деревенские преступники, т. е. на живодерню»⁵⁴. Одна фраза, а сколько загадок! Слово «претендентов» прочитано предположительно и поэтому заключено в скобки. Ну, это полбеды — не из-за него ускользает смысл фразы. Вот как понять утверждение, что все деревенские преступники попадают на живодерню? Бессмыслица! Так у К. Маркса не могло быть написано. В результате исследования было установлено, что у Маркса написано не «преступники» (не criminals), а «животные» (animals). Значит, это деревенские животные отправляются в конце концов на живодерню! Теперь легче прочитать и взятое в скобки слово. Это «guitants» — жвачные животные, скот. Итак, все расшифровано. И во второе издание включается ясная, образная марксова фраза: «завершить революцию 1789 г., отправив этих скотов туда же, куда в конце концов попадает в деревне весь скот — на живодерню»⁵⁵.

Так, после тщательных исследований благодаря рудокому осмыслению текста расшифровывается истинное содержание сотен и тысяч впервые верно прочитанных строк гения.

Несколько последних лет Н. И. Непомнящая была занята подготовкой к публикации рукописей К. Маркса «Из истории польского вопроса». Эта работа велась совместно с Институтом истории партии при ЦК ПОРП и Институтом марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ. Большой труд — свыше 50 печатных листов. К. Маркс вел свои записи по польскому вопросу на английском, немецком и французском языках. Ученые договорились: «Из истории польского вопроса» издать не совсем обычно. На одной странице каждого книжного разворота набирать текст так, как его писал К. Маркс, на том языке, на котором он делал записи. На второй же странице разворота давать перевод — в московском издании на русском языке, в варшавском — на польском, в берлинском — немецком. Внутри каждой страницы набор тоже не простой. Страница делится на две части — на одной половине печатается текст, который после обработки оставил К. Маркс, а на второй — даются зачеркнутые строки, исключенные абзацы. Такая публикация позволяет продемонстрировать творческую лабораторию К. Маркса, проследить ход его работы: сначала он делал выписки из книг, потом конспектировал их, потом писал собственные рассуждения, оттачивал их. Несколько лет кропотливого труда, и марксова рукопись готова к публикации в трех столицах социалистических государств.

Шаги истории

Историку марксизма П. А. Бах принадлежит честь первичного прочтения десятков найденных ею статей К. Маркса и Ф. Энгельса, честь установления, что именно они (и кто лично — К. Маркс или Ф. Энгельс) были авторами многочисленных неподписанных публикаций, затерянных в различных, ставших библиографическими редкостями журналах и газетах. Ею впервые установлены и сотни фактов, обстоятельств, подробностей жизни К. Маркса, которые послужили ценнейшим материалом для его «Биографии».

Дела гениев человечества по международной координации усилий пролетариата, по созданию политических партий рабочего класса, их непревзойденное умение диалектически анализировать каждый зигзаг исторического процесса и наилучшим образом использовать ситуацию для достижения целей Интернационала и ныне имеют великое значение — принципиальное и практическое. И советские ученые многое сделали, чтобы историческая наука об Интернационале базировалась на строго выверенных фактах. Часы и годы, проведенные над расшифровкой сохранившихся протоколов Генерального Совета Интернационала, переписки его деятелей. Часы и годы за чтением рабочей и буржуазной прессы тех лет, чтобы знать почти все, что знали современники Маркса, чтобы упомянутые в протоколах и переписке имена революционно настроенных немецких механиков и ткачей, английских маляров и плотников, французских граверов и декораторов, швейцарских часовщиков и портных, русских разночинцев — корреспон-

⁵³ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений, стр. 13.

⁵⁴ «Архив Маркса и Энгельса». Т. III (VIII), стр. 399.

⁵⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 17, стр. 588.

дентов К. Маркса звучали как имена хорошо знакомых и дорогих нам людей, открывавших вместе с К. Марксом и Ф. Энгельсом новую эру истории. Счастливейшие минуты находок, когда вдруг в пожелтевшем комплекте газеты «The Northern Star» 1845 г. была обнаружена заметка о никому из историков не известном выступлении Ф. Энгельса на собрании интернационалистов в Лондоне⁵⁶. Или когда озарило: да ведь этот «Некролог» по поводу смерти революционера Роберта Шо, напечатанный 16 января 1870 г. в брюссельской газете «L'Internationale», мог написать только К. Маркс — его стиль и его характеристики событий⁵⁷.

Головокружительная радость первого прочтения нигде прежде не публиковавшихся произведений основоположников марксизма. В 16-й том Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, который редактировали И. А. Бах и Е. А. Степанова, вошли 14 работ, раньше нигде не издававшихся, в 18-м томе (его редактировала И. А. Бах) 27 работ впервые публиковались на русском языке, в том числе 6, которые вообще нигде не издавались. Это были рукописи статей, записи речей К. Маркса и Ф. Энгельса, относившиеся к их деятельности в I Интернационале. «Жизнь Мавра без Интернационала была бы бриллиантовым кольцом, из которого вынут бриллиант»⁵⁸, — писал Ф. Энгельс о К. Марксе его дочери Лауре в письме, впервые опубликованном в 36-м томе Сочинений. В деятельности этой нашел выражение многосторонний характер марксовской природы. Человек, проводивший ночь напролет в чтении и писании, днем вел гигантскую организационную работу, в которой на практике отставал принципы, разработанные им же в теории. Было высшим наслаждением редактировать эти два тома, полные свидетельства о деятельности К. Маркса в Интернационале. Благодаря новым документам еще ярче засверкал «бриллиант» марксовского образа. И не только образы К. Маркса и Ф. Энгельса вставляли из вновь прочитанных документов, но и образы их коллег, рядовых членов Генерального Совета, руководителей национальных секций I Интернационала. Институт предпринял издание двухтомной монографии о I Интернационале. Ответственным редактором была назначена И. А. Бах. Пять лет было отдано этому труду.

Если подробности из жизни К. Маркса и Ф. Энгельса приходилось разыскивать по крупицам, то что сказать о тех, кто не стоял на самой авансцене истории. О них редко писала печать, о них упоминалось чаще в полицейских донесениях да в некрологах. Правда, одному из них — Вильгельму Вольфу — К. Маркс посвятил свой «Капитал», написал: «Посвящается моему незабвенному другу, смеющему, верному, благородному, передовому борцу пролетариата»⁵⁹; правда, сохранилась переписка некоторых из них с К. Марксом и Ф. Энгельсом. Но этого было мало. И начались поиски в забытых провинциальных газетах, в документах архивов. Значительная часть второго тома исследования была посвящена деятельности I Интернационала в разных странах, на разных континентах. Удалось разыскать малоизвестные материалы о деятельности Международного Товарищества Рабочих в Бельгии, Нидерландах, Дании, Испании, Португалии, Италии, о распространении идей Интернационала в Латинской Америке — его секциях в Аргентине и Мексике. Отдельные главы посвящены влиятельную Интернационала на революционное движение в России и странах Юго-Восточной Европы, в Польше. Кропотливое изучение исторического материала позволило авторам монографии вернуть истории имена многих передовых деятелей. Представляя стихийное пролетарское движение своих стран, они прошли через ряд колебаний, преодолели искушения прудонизма и анархо-синдикализма и стали верными соратниками К. Маркса и Ф. Энгельса. Авторы монографии собрали обширный материал о пролетарском ядре Генерального Совета, рассказали о таких деятелях I Интернационала, как портные Иоганн Эккартус и Фридрих Лесснер, механик Пауль Штумпф, столяр Георг Лохнер из Германии, швейцарский часовщик Герман Юнг, французские рабочие — мастер музыкальных инструментов, изобретатель Эжен Дюпон, переплетчик Эжен Варлен, англичанин маляр Роберт Шо и другие.

Богатым материалом для отражения деятельности рядовых членов Генерального Совета явились его Протоколы. Благодаря усилиям сотрудников Института марксизма-ленинизма теперь пять томов этих Протоколов стоят на полках библиотек, собирающих литературу по истории марксизма. А из этих Протоколов впервые стало известно содержание многих речей, произнесенных Марксом в Генеральном Совете, и написанных им документов. Известно высказывание В. И. Ленина, что до Интернационала марксизм — «лишь одна из чрезвычайно многочисленных фракций или течений социализма»⁶⁰. За годы деятельности I Интернационала марксистское направление стало преобладающим в пролетарском движении. И этому в значительной степени способствовал героический опыт Парижской коммуны, те выводы, которые сделал из него К. Маркс. Парижской коммуне авторы монографии посвятили почти весь ее второй том. По выражению Ф. Энгельса, Коммуна была «духовным детищем Интернационала». При этом Ф. Энгельс прибавил: «Хотя Интернационал и пальцем не шевельнул для того,

⁵⁶ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 2, стр. 622, примечание 170.

⁵⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 16, стр. 410—411.

⁵⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 36, стр. 38.

⁵⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 3.

⁶⁰ В. И. Ленин. ПСС. Т. 23, стр. 1.

чтобы вызвать ее к жизни»⁶¹. Документы, разысканные авторами монографии, показывали, что «вызвана к жизни» Коммуна была стихийно. Она была порождена не директивами Интернационала, а всем предшествующим развитием французского и международного рабочего движения. Утверждая эту мысль, К. Маркс писал в одном из набросков «Гражданской войны во Франции», впервые опубликованном во втором издании Сочинений: «Дело не в том, как воображают глупцы, будто парижская или какие-либо другие секции Интернационала получали приказы из центра. Но так как лучшая часть рабочего класса во всех цивилизованных странах принадлежит к Интернационалу и проникнута его идеями, то повсюду в движениях рабочего класса она несомненно должна идти во главе»⁶². Особенно ярко показали авторы монографии, каким триумфом марксизма стал Гаагский конгресс Интернационала, в котором приняла участие группа парижских коммунаров. Конгресс ориентировал рабочий класс на борьбу за создание пролетарских государств типа Парижской коммуны. Детище Интернационала — Коммуна сама стала источником возмущения международного рабочего класса, способствовала победе в его среде марксистских идей. На Гаагском конгрессе Интернационала коммунар Лонге сказал, что если бы у парижских коммунаров была политическая партия, Коммуна победила бы. В заключительных главах монографии авторы показали, как в наши дни коммунистические и рабочие партии продолжают революционные традиции I Интернационала.

И. А. Бах редактировала также три тома переписки К. Маркса и Ф. Энгельса — 29, 31 и 32-й тома Сочинений. Письма двух последних томов относятся к тому же периоду деятельности в Интернационале. Двадцать писем опубликовано здесь впервые. И каждое привносило новые подробности, новые факты о том десятилетии истории, когда действовал I Интернационал. Было и «отступление» к событиям, предшествовавшим этому десятилетию. 29-й том содержит переписку 1856—1859 годов — сравнительно «спокойных» лет. Еще продолжается реакция после разгрома революций 1848—1849 годов. После бурных революционных лет К. Маркс «уходит» в разработку теории, которая должна вооружить пролетариат для достижения победы. Написана «Немецкая идеология» — разработаны основы материалистического понимания истории, марксистской философии. Надо создать новую политэкономию, с помощью которой будет исследована механика эксплуатации рабочего класса, понята хитрая система его закабаления. В эти годы К. Маркс «уясняет для самого себя» законы политэкономии, приступая к главному труду своей жизни — «Капиталу». Из трех составных частей марксизма — философии, социализма, политэкономии — последняя еще почти не была разработана. Письма этого периода рассказывают об ожидании новой бури, нового «потопа». В них рассказ о том, как разрабатывалась пролетарская политэкономия. Труд этот понимался К. Марксом как важнейшая партийно-политическая задача. Толчком для этих работ явился первый в истории капитализма мировой экономический кризис. Об этом периоде К. Маркс пишет Ф. Энгельсу 18 декабря 1857 г.: «Работаю я колоссально много, большей частью до 4 часов утра. Притом работа двоякая: 1) Выработка основных положений политической экономии. (Совершенно необходимо для публики вскрыть самую основу вещей...) 2) *Нынешний кризис...*»⁶³ Ф. Энгельс в это время приступает к систематическому изучению естественных наук — физики, химии, биологии, осмысливает с позиции диалектического материализма открытия, положившие начало новому этапу в науке. Он изучает военное дело. Приступает к изучению славянских языков. Именно в это время К. Маркс и Ф. Энгельс знакомятся с прекраснейшим памятником древнерусской культуры — «Словом о полку Игореве». Большое внимание К. Маркс и Ф. Энгельс уделяют колониально-освободительному движению в азиатских странах, а также в Ирландии. Все увеличивается внимание К. Маркса и Ф. Энгельса к вестям, которые приходят из России, — там идет борьба за отмену крепостного права. Об этих годах и повествуют документы 29-го тома.

Минуло полтора столетия с тех пор, как родился Карл Маркс, а интерес к его личности, к его теоретическому наследию, к его идеям все возрастает.

За это время прошла жизнь нескольких поколений. Сделано только несколько шагов... Но какие перемены в мире в результате побед идей Маркса, Энгельса, Ленина!

⁶¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 33, стр. 538.

⁶² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 17, стр. 610.

⁶³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 29, стр. 192.